

АРВО ЛААНЕСТ (Таллин)

КОНТАКТЫ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА С СОСЕДНИМИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ

При сравнительно-историческом исследовании прибалтийско-финских языков, распространенных в западной части Ленинградской области (в Ингерманландии), серьезную трудность составляют относительно поздние взаимные влияния этих языков. В лингвистической литературе встречается много отдельных замечаний по взаимным влияниям водского, ижорского и финского языков, в том числе и малообоснованные предположения. В последние десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении водского и ижорского языков и ингерманландско-финских диалектов. Поэтому можно подвести итоги и по вопросам контактов между этими языками.

Такие языковые контакты целесообразно рассматривать по отдельным ареалам. В настоящей статье трактуются только влияния в области фонетики и морфологии.

1. Нижнелужско-сойкинский ареал. Контакты между близкородственными языками особенно интенсивны в районе нижнего течения р. Луги и на Курголовском полуострове. Относительно некоторых явлений сюда примыкает и Сойкинский полуостров. Не всегда ясно, какой из языков служит источником происхождения той или иной черты, характерной для нескольких языков данного ареала.

Прежде всего перечислим черты, общие для нижнелужского диалекта ижорского языка, водского языка и нижнелужского диалекта финского языка, но чуждые остальным диалектам ижорского языка.

1. В интервокальном положении произносятся глухие смычные: нл. иж. *sika* 'свинья', *pata* 'горшок', *hārv* 'осина'; вод. *makea* 'сладкий', *pata*, *kuro* 'вязанка, пук' (Ariste VKG 12); нл. фин. *maku* 'вкус', *sota* 'война', *tara* 'обычай' (Leppik IKMFSK 34, 42, 59). 2. Интервокальный *h* выпал в слогах, следующих после второго: нл. иж. *lampār* 'овцы', парт. мн. ч. *lampaita*; вод. *ampār* 'зубы', парт. мн. ч. *ampaita* (Ariste VKG 56); нл. фин. *perreest* 'из семьи', *venneen* 'лодки (ген.)' (Leppik IKMFSK 90). 3. Имеются вторичные геминаты с полной долготой: нл. иж. *kallā* 'рыбу'; вод. (Краколье) *pattā* 'в горшок', *sikkā* 'свинью' (КСВЯ); нл. фин. *lupraan* 'разрешаю' (Leppik IKMFSK 113). 4. Отсутствует тип геминации, свойственный трехсложным словам: нл. иж. *matala* 'низкий' (ср. сойк. *mattāla*), *omēna* 'яблоко'; вод. *akana* 'мякина', *vasara* 'молот' (Ariste VKG 48); нл. фин. *hepone* 'лошадь' (Leppik IKMFSK 35). 5. Отсутствует переход *ir > er*: нл. иж. *kirvez* 'топор' (сойк. *kervez*), *hirsi* 'лось'; вод. *tširvez* 'топор', *irvi* 'лось' (КСВЯ); нл. фин. *hirvi* 'бревно', *kirves* (Leppik IKMFSK 87, 152). 6. Перед *t* или *v* не произошла лабиализация *e* (кроме 3 л. наст. вр.): нл. иж. *luketā* 'читать', *vākevā* 'крепкий' (сойк. *lucotā*, *vākkōvā*); вод. *luketā*, *lukeva* 'читающий' (Ariste VKG 98); нл.

фин. *lähtemä* 'телка', *tulevaks vuuveks* 'к будущему году' (Leppik IKMFSK 144). 7. В непервых слогах *i* как второй компонент дифтонга в ряде случаев исчез: нл. иж. *kukko* 'петух', *anto* '(он) дал'; вод. *pero* 'лисица', *kukke* 'петух', *antē* '(он) дал' (Kettunen VKÄ 161—162); нл. фин. *ialo* 'хутор', *makso* '(он) платил' (Leppik IKMFSK 164—165). 8. В существительных на *-k *eke-* > *-ē-*: нл. иж. *vättēd* (мн. ч.) 'одежда', *lähtētēst* 'из источника'; вод. *lähtē* 'источника', *pärēd* 'лучины' (Kettunen VKÄ 68); нл. фин. *kasteen* 'росы', *sitteen* 'повязки (ген.)' (Leppik IKMFSK 64). 9. В окончании партитива единственного числа имен на **-eä*, **-etä* встречается *t*: нл. иж. *valkeata* 'белого', *leveätä* 'широкого'; вод. *valkeata*, *pehmiätä* 'мягкого' (Ariste VKG 50); нл. фин. *valkeet ~ valkiat*, *pimmeet ~ pimiät* 'темного' (Leppik IKMFSK 48). 10. Эссив имеет окончания *-nna*, *-nnä*, *-nnv*, *-nnp* или *-ñ*: нл. иж. *nōrenna tüttönnä* 'молодой девушкой', *pühännp*, 'в воскресенье', *lapseñ* 'ребенком'; вод. *ehtagonna* 'вечером', *ōmeñ* 'завтра' (Ariste VKG 36); нл. фин. *piikanna ~ piikana* 'служанкой', *paimenenna* 'пастухом' (Leppik IKMFSK 77). 11. Употребляется комитатив с окончанием *-(η)kā*, *-(η)kää*: нл. иж. *pojankā* 'с сыном', *sirpikā* 'серпом'; вод. *jalgākā* 'ногой', *tüttärekā* 'с дочерью' (Ariste VKG 38); нл. фин. *jalanka(a)* 'ногой', *hännänkä(ä)* 'хвостом' (Leppik IKMFSK 68). 12. Отсутствует признак множественного числа *-loi*, но употребляется сильноступенное множественное число: нл. иж. *verkkoi* 'сетями', *lautoist* 'из досок'; вод. *jalkoissa* 'из ног', *lintuilla* 'у птиц' (Ariste VKG 45); нл. фин. *sikkoil* 'у свиней', *kattoist* 'из крыши' (Leppik IKMFSK 162). 13. Во всех именах, кроме односложных, встречается окончание иллатива множественного числа с элементом *s*: нл. иж. *pattoissē* 'в горшки', *säkkīs* 'в мешки'; вод. *lintuisē* 'в птицы', *vasaroisē* 'в молоты' (Ariste VKG 27); нл. фин. *säkkīssē* 'в мешки', *saïnnōssē* 'в слова' (Mägiste RMP 43). 14. В 3 л. мн. ч. прошедшего времени имеется окончание *-vad*, *-väd*: нл. иж. *paistoivad* '(они) пекли' (ср. сойк. *paistoid*), *künziväd* '(они) пахали'; вод. *alkeväd* '(они) начали', *eliväd* '(они) жили' (Ariste VKG 75); нл. фин. *antovat* '(они) дали', *ottivat* '(они) взяли' (Leppik IKMFSK 39). 15. В отрицательной форме императива 2 л. мн. ч. основной глагол имеет окончание *-kā*, *-kää*: нл. иж. *elkū korjatkā* 'не собирайте', *elkū tehkū* 'не делайте' (сойк. *elkū temmada* 'не тяните'); вод. *elkū ~ älkū elkū* 'не будьте' (Ariste VKG 90); нл. фин. *älkūä sanoķa* 'не скажите' (Leppik IKMFSK 141).

Есть и такие особенности нижнелужского диалекта ижорского языка, которые являются общими прежде всего с водским языком. 1. *s* произносится при более переднем положении языка, чем в остальных ижорских диалектах, и без оттенка *š*: нл. иж. *sannō* 'скажет', *sūred* 'большие' (сойк. *sūr ~ sūr* 'большой'); вод. *sarja* 'соты, гроздь', *sū* 'рот' (Ariste VKG 13). По-видимому, под влиянием водского языка и нижнелужского диалекта ижорского языка такое произношение распространилось и в местных финских говорах. 2. В заимствованных или звукоподражательно-дескриптивных словах произносится непалатализованная аффриката *tš*: нл. иж. *tšāju* 'чай', *tšahisō* 'шелестит' (сойк. *tšāju*, *tšahizō*); вод. *tšāju*, *tšagattā* '(harákas) kädistab; (сорока) трещит' (КСВЯ). 3. *h* выпал после звонкого согласного: нл. иж. *vana* 'старый', *karu* 'медведь'. В водском языке это выпадение носит вполне регулярный характер, а в нижнелужских финских говорах встречается только в отдельных случаях.¹ 4. После долгого слога гласные обычно редуцируются: нл. иж.

¹ L. Kettunen, VKÄ, стр. 87—88; M. Leppik, IKMFSK, стр. 91—92; J. Mägiste, RMP, стр. 48.

poikv ~ *poika* 'сын, мальчик'. То же явление встречается в водских говорах деревень Краколье (Jögöregä) и Куровицы (Kukkuzi): *aikē* 'время', *vette* 'воду', *päivä* 'день', *jōssa* 'бегать' (КСВЯ). 5. В суффиксе причастия прошедшего времени гласный нередко сохраняется: нл. иж. *sanonid* 'сказавший', *lukenu* 'читавший'; вод. *sōnnū* 'евший', *laskennu* 'пустивший' (Ariste VKG 87); в ингерманландско-финских диалектах гласный суффикса выпал, только в говоре на р. Россонь отмечены и окончания *-nnut*, *-nnüt*.² 6. В местных падежах конечный гласный частично сохраняется: нл. иж. *illallv* 'вечером', *lāvässä* 'в хлеве'; вод. *jal-gaza* 'в ноге', *sūssa* 'изо рта' (Ariste VKG 28—30, 32—35). 7. *e* в качестве второго компонента сочетания гласных в непервых слогах ассимилировался: нл. иж. *kevväl* 'весной' (сойк. *kevä,el*), *ollün* 'пива (ген.)'; вод. *tševällä* 'весной', *lühūv* 'короткие' (Kettunen VKÄ 158—159). 8. *t* может сохраняться в окончании партитива множественного числа после безударного слога: нл. иж. *kanoita* 'куриц', *verkkoid* 'сетей', *seppiv* 'кузнецов'; вод. *mungeita* 'яиц', *lintuit* 'птиц' (Ariste VKG 24). 9. В некоторых нижнелужских ижорских деревнях признаком сравнительной степени в номинативе служит *-v* ~ *-p*: нл. иж. *korkev* 'выше', *sūrep* 'больше'; вод. *sūrepi* ~ *sūrep*, *sūvepi* 'глубже' (Ariste VKG 58). 10. В основных глаголах в качестве признака прошедшего времени встречается *zi*: нл. иж. *sanozin* '(я) сказал', *joutuzin* '(я) попал', *läsizin* '(я) болел'; вод. *kuttsuzin* '(я) звал', *tahtozimma* '(мы) хотели' (Ariste VKG 78).

Некоторые особенности нижнелужского диалекта ижорского языка сближают его больше с соседним финским говором, чем с водским языком. 1. Рефлексом сочетания согласных **str* является *dr*: нл. иж. *odra* 'ячень', *kedrätä* 'прясть' (сойк. *ozra*, *kezrädä*); нл. фин. *otra*, *keträtä* (Leppik IKMFSK 55). В водском языке *tšedrāv* 'прядет', но *ezra* 'ячень' (Kettunen VKÄ 32). 2. В партитиве единственного числа *ht* > *tt*: нл. иж. *raetta* 'град', *perettv* 'семью'; нл. фин. *hametta* 'рубашку', *hernettä* 'горох' (Leppik IKMFSK 93). В большинстве говоров водского языка *ht* в данном положении сохранилось³, однако в говорах бассейна р. Луги встречается *tt*. 3. В некоторых ижорских деревнях по нижнему течению р. Луги (Наавикко, Sutela, Vanakülä) произносятся дифтонги *uo*, *ie*, *üö* вместо *ō*, *ē*, *ō* ~ *ū*, *i*, *ū* других диалектов: нл. иж. *suc* 'болото', *tie* 'дорога', *üö* 'ночь'; нл. фин. *juotaa* 'пить', *pieni* 'маленький', *tiö* 'работа' (Leppik IKMFSK 124, 136, 142). В большинстве водских говоров долгие гласные сохранились.⁴ 4. *a* и *ä* непервых слогов в качестве второго компонента сочетания гласных ассимилировались с первым компонентом в ряде деревень по нижнему течению р. Луги: нл. иж. *maitō* 'молоко (парт.)', *karru* 'медведя (парт.)', *etsi* 'искать'; нл. фин. *kuproo* 'пук (парт.)', *lukkee* 'читать', *tantsii* 'танцевать' (Leppik IKMFSK 121). В водском языке сочетания гласных на *-a*, *-ä* сохранились.⁵

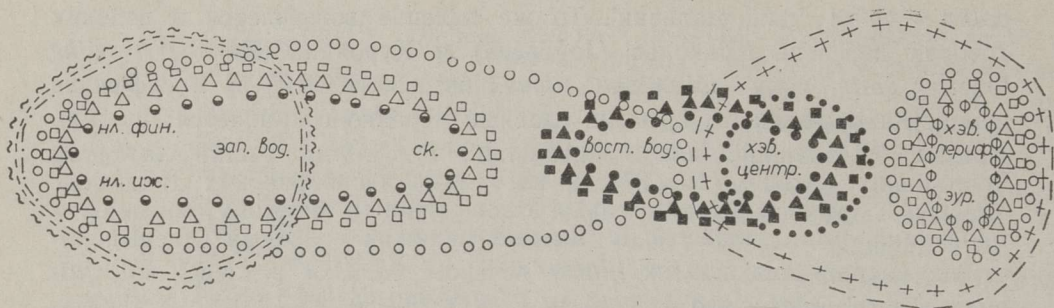
Особенностей нижнелужского диалекта ижорского языка, свидетельствующих о бесспорном влиянии водского языка, больше, чем тех, что объединяют его только с финскими диалектами. Однако больше всего в районе нижнего течения р. Луги таких черт, которые, по-видимому, образовались в результате общего развития ижорских, водских и финских говоров. Возможно, что при возникновении некоторых из перечис-

² J. Mägiste, RMP, стр. 50—52.

³ L. Kettunen, VKÄ, стр. 88—89.

⁴ P. Ariste, VKG, стр. 6—7.

⁵ L. Kettunen, VKÄ, стр. 150—155.

▲▲ *tõ,ag, sõ,ag*, △△ *tõvva, sõvvä*, ■■ *pereh, veneh*, □□ *pere, vene*, ·· *jalkän* (ill.), *tultin*, ○○ *jalkä* (ill.), *tulti*, ●● *sä,ag, jä,ag*, ◆◆ *sävva, jävvä*, ◇◇ *säha, jähä*, — — *kukko, anto*, ~ ~ *poja(η)kä, sirpi(η)kä*, - - *verkkoiil, lautoist*, — — *heinnä, korvä*, + + *löüz, vihelz*

ленных выше явлений, общих для трех языков, главную роль сыграл водский язык, может быть, водский субстрат. Но не все объясняется водским субстратом. Геминация согласных не считается самобытной чертой водского языка. Кратконачальные вторичные геминаты, встречающиеся в других водских говорах, очевидно, возникли относительно поздно под влиянием ижорского языка.⁶ Тот факт, что в говорах на р. Луге вторичные геминаты последовательно имеют полную долготу, можно объяснить влиянием финских говоров. Редукция безударных гласных встречается в водских говорах на р. Луге, но не обнаружена в остальных водских говорах; нет основания предполагать, что это явление берет свое начало в водском языке.

Далее рассмотрим черты, общие для района нижнего течения р. Луги и сойкинского диалекта ижорского языка, но противопоставляемые хэваскому диалекту ижорского языка, а также в большинстве случаев восточному диалекту водского языка. 1. После долгого губного гласного вместо слабоступенного соответствия *k* или *t* произносится вставной звук *vv* ~ *w*: нл. иж. *sõvvä* 'есть', *rõvvost* 'из тростника'; сойк. *hõvva* 'отдыхать', *põvvän* 'ловлю'; зап.-вод. *tuuva* 'принести', *süvvä* 'есть', *vuuvet* 'годы' (Kettunen VKÄ 61—62); нл. фин. *juuvva* 'пить', *müüvvä* 'продавать' (Leppik IKMFSK 42—43). 2. В нижнелужском и сойкинском диалектах ижорского языка тот же вставной звук встречается также в инфинитиве и в настоящем времени имперсонала глаголов *sävva* 'получать' и *jävvä* 'оставаться'. В западном диалекте водского языка и курголовском говоре финского языка употребляются как инфинитивы *sävva, jävvä*, так и *säha, jähä*; последние распространены во всех восточнофинских диалектах.⁷ 3. *k* в конце слова отпал: нл. иж. *päre* 'лучина', *kasse* 'роса'; сойк. *väde* 'одежда', *läkkä* 'говори'; зап.-вод. *kase* 'роса', *elä idge* 'не плачь' (Kettunen VKÄ 48—50); нл. фин. *ruosse* 'ржавчина', *em mää* 'я не пойду' (Leppik IKMFSK 70—71). 4. *h* в конце слова отпал: нл. иж. *vene* 'лодка', *mae* 'налим'; сойк. *herne* 'горох', *tae* 'навоз'; зап.-вод. *rage* 'град', *pere* 'семья' (Kettunen VKÄ 89—90); нл. фин. *terve* 'здоровый', *home* 'плесень' (Leppik IKMFSK 93). 5. *n* в конце слова отпал в иллативе, аллативе, в притяжательном суффиксе 3 л.

⁶ L. Kettunen, Itävatjan geminoitumis-ilmioistä. — JSFOu XXX; T.-R. Viitso, Hilisgeminaatioonist vadja keeles. — Tõid läänemeresoomse ja volga keelte alalt, Tallinn 1964, стр. 24—35.

⁷ P. Ariste, VKG, стр. 94; L. Kettunen, Suomen murteet. III A. Murrekartasto, Helsinki 1940, карта 73; M. Leppik, I KMFSK, стр. 43.

ед. ч., в 3-м лице императива, в формах настоящего и прошедшего времени имперсонала: нл. иж. *küllä* 'в деревню', *emälle* 'матери', *eriksē* 'отдельно' (форма с застывшим притяжательным суффиксом), *eletä* 'живут (имперсонал)', *tapetti* 'молотили'; сойк. *linnä* 'в город', *merelle* 'на море', *poikaha* 'его сын', *vekä* 'пусть отнесет', *lauledä* 'поют', *nidetti* 'жали серпом'; вод. *mettsä* (*sē*) 'в лес', *tulelē* 'на огонь', *tšünnetti* 'пахали' (Ketunen VKÄ 98—99); нл. фин. *metsää*, *katolle* 'на крышу', *järkestää* 'сразу', *lukeko* 'пусть читает', *künnetää* 'пашут', *lämmitetii* 'топили' (Leppik IKMFSK 82—83). 6. *i* может опадать в окончаниях 3 л. ед. ч. настоящего времени после главноударного слога: нл. иж. *sōv* (~ *sōpi*) 'ест', *voiv* 'может'; сойк. *jāv* 'остаётся', *sāv* 'получает'; вод. *sāv*, *jōv* 'пьет', *lōv* 'бьет' (Ariste VKG 91); нл. фин. *tuop* 'принесет', *saap* 'получает' (Leppik IKMFSK 168). В водском языке и в нижнелужском диалекте финского языка отпадение *i* носит более регулярный характер, чем в ижорском языке. 7. Употребляется падеж терминатив с окончанием *-ssä*: нл. иж. *otsassä* 'до конца', *tähässä* 'до сих пор'; сойк. *iltässä* 'до вечера', *vūstsä* 'до пояса'; вод. *kotössä* 'до дома', *laukässä* 'до р. Луги' (Ariste VKG 40); нл. фин. *kuolemässä* 'до смерти', *küllässä* 'до деревни' (Mägiste RMP 57).

Возможно, и эти общие для всего нижнелужско-сойкинского ареала черты образовались в результате совместного развития диалектов трех близкородственных языков.

Нижнелужско-сойкинский ареал имел контакты и с Эстонией. Жители побережья Финского залива восточнее и западнее р. Нарвы встречались при рыболовстве и мореплавании. Местом соприкосновения служил и г. Нарва как торговый и позднее промышленный центр. В основном начиная со второй половины прошлого века значительное число эстонцев переселилось в Ингерманландию. Все же контакты эстонцев с ижорой, водью и ингерманландскими финнами нельзя сравнить со взаимными контактами трех последних, проживавших в течение нескольких веков в соседних или даже одних и тех же деревнях. В нижнелужском и сойкинском диалектах ижорского языка встречаются лексические заимствования из эстонского языка, но бесспорного эстонского влияния на фонетику или морфологию не установлено. Особый случай языкового контакта наблюдался в бывшем приходе Вайвара в северовосточной Эстонии, где когда-то, очевидно, проживало смешанное эстонское, ижорское, финское, возможно, и водское население. Поэтому в восточной части этого прихода сложился говор эстонского языка, в котором встречалось много фонетических и морфологических черт, характерных для ижорского, финского и водского языков.⁸

2. Хэваско-восточноводский ареал. Есть некоторые общие черты хэваского диалекта ижорского языка и восточного диалекта водского языка, противопоставляемые явлениям нижнелужско-сойкинского ареала. 1. В связи с выпадением слабоступенного соответствия *k* или *t* не произносится вставной звук ни после долгого губного гласного, ни в глаголах 'получать', 'оставаться': хэв. *tō.ɑg* 'принести', *lō.ɑg* 'ударить', *sā.ɑg* 'получать', *jä.äg* 'оставаться'; вост.-вод. *tō.ɑg*, *tō.ɑsseg* 'принесут', *vō.ɡp* 'годы', *sā.ɑg*, *jä.äo* (КСВЯ). 2. Конечный *k* сохранился в виде глухого или полувзвонного слабого смычного: хэв. *pāreg* 'лучина', *sieg* 'повязка'; вост.-вод. *kaseg* 'роса', *läheg* 'источник' (Kettunen VKÄ 48).

⁸ P. Ariste, Estonian and Karelian (Izhorian) Language Contacts. — СФУ XIII 1977, стр. 7—11; P. Ariste, Teiste läänemere keelte elemente Vайвара murra-kuis. — ESA VIII 1962, стр. 11—18; M. Тоомсе, Du dialecte de Vайвара de l'est. — Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1937 I, стр. 85—146.

3. Конечный *h* сохранился: хэв. *pereh* 'семья', *terveh* 'здоровый'; вост.-вод. *rageh* 'град', *erneh* 'горох' (Kettunen VKÄ 89—90).

Сохранение конечных согласных *k* и *h* — консервативное явление, встречающееся в относительно немногих диалектах прибалтийско-финских языков. Отсутствие вставного звука после долгого губного гласного в связи со слабоступенным соответствием *k* или *t* тоже представляет собой консервативную черту, не свойственную большинству из диалектов, восходящих к древнекарельскому языку. Наличие этих трех явлений в двух соседних диалектах объясняется не случайным совпадением, а контактами между ними. Какой из них оказал большее влияние на другой? В данном случае нет основания предполагать существенное влияние водского языка на ижорский. О том, что явления 1 и 3 не могут быть новообразованиями в ижорском языке, свидетельствует наличие их в ордежском диалекте (*jūa* 'пить', *pūän* 'ловлю', *taeh* 'навоз'). Источники XVIII в. показывают, что *k* в конце слова раньше был шире распространен в ижорских диалектах, чем теперь.⁹ По мнению Л. Кеттунена, конечный *k* восточноводского диалекта заимствован из ижорского языка; в пользу этой гипотезы говорит сверхкорректное произношение *k* в некоторых формах, где это исторически не оправдано.¹⁰ Если иметь в виду и географическое распространение воды, существование водского влияния скорее в западной, чем в восточной части Ингерманландии, соответствует нашим ожиданиям.

3. Хэваский-эурямейский ареал. Контакты хэваского диалекта ижорского языка и эурямейского диалекта финского языка в одних случаях связаны со всей территорией распространения хэваского диалекта, в других только с периферией ее — деревнями на морском побережье или вблизи него.

1. В ижорском говоре приморских деревень Kandokülä и Uhimägi наблюдается непоследовательность в чередовании сочетания согласных *tk*, например, *pitkä* 'длинный' — мн. ч. *pitkäd* ~ *pidäd*. 2. В хэваском диалекте встречается непоследовательное удлинение или удвоение любых согласных (не только *k*, *p*, *t*, *s*, как в сойкинском и ордежском) после долгого слога, перед долгим гласным или дифтонгом, образовавшимся в результате стяжения, например, *heinä* ~ *heinnä* 'сено (парт.)', *korva* 'ухо (парт.)'. Это явление распространено также в восточных ингерманландско-финских говорах.¹¹ 3. Если для центральной территории хэваского диалекта характерно сохранение конечных *k*, *h* и *n*, то на периферии *k* в конце слова полностью исчез, *h* исчез в большинстве случаев, а *n* отпал в иллативе, аллативе, в 1 л. мн. ч. глаголов, в формах настоящего и прошедшего времени имперсонала, например, *päre* 'лучина', *pere* 'семья', *linnä* 'в город', *lehmäle* 'корове', *annamma* 'даем', *annedä* 'дают (имперсонал)', *annetti* 'дали (имперсонал)'. 4. На всей территории хэваского диалекта, а также в эурямейском диалекте признак прошедшего времени *i* отпал в 3 л. ед. ч. одноосновных глаголов, если ему предшествовал *s(z)*: хэв. *löüz* 'нашел', *lenz* 'летал', *vihelz* 'свистел'; эур. *hois* 'хранил', *öksens* '(его) вырвало', *käns* 'повернул' (Ruorpiä ÄÄ 147). 5. *a* и *ä* в качестве второго компонента сочетания гласных непервых слогов ассимилировались с первым компонентом сочетания в периферийных, спорадически и в центральных говорах хэваского диа-

⁹ A. Laanest, Isurikeelset materjali 18. sajandist. — ESA VIII 1962, стр. 163—170.

¹⁰ L. Kettunen, Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet, Helsinki 1960 (MSFOu 119), стр. 55.

¹¹ Л. Я. Галахова, Основные особенности консонантизма в финских говорах Ленинградской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1974, стр. 16—17.

лекта: *maitō* 'молоко (парт.)', *rimtē* 'темный', *lukkē* 'читать'. Это явление широко распространено в финских диалектах, в том числе в эурямейском.¹² Подобная ассимиляция в нижнелужском диалекте ижорского языка произошла, вероятно, независимо от хэваского диалекта. 6. На всей территории хэваского диалекта существительные с односложной основой имеют в генитиве множественного числа окончание *-hen*, например, *maihen* 'земель', *puihen* 'деревьев', *soihen* 'болот'. Такой же генитив множественного числа употребляется в эурямейском диалекте Ингерманландии, в юго-восточных диалектах и в некоторых саво-ских диалектах.¹³ 7. Вместо окончания партитива множественного числа *-oja*, *-öjä* в хэваском диалекте, особенно в говорах приморских деревень, часто встречается *-oi*, *-öi*, например, *kannoi* 'куриц', *linbuloi* 'птиц', *tüttölöi* 'девушек'. В эурямейском и юго-восточных диалектах это явление носит вполне последовательный характер.¹⁴ Независимо от хэваского диалекта такое развитие пережил и нижнелужский диалект ижорского языка. 8. Вместо форм инфинитива *sāag* 'получать', *jääö* 'оставаться', свойственных центральным говорам хэваского диалекта, в приморских деревнях *Kandokülä* и *Uhimägi*, а также в местном эурямейском и во всех восточнофинских диалектах выступают инфинитивы *sāha*, *jähä*.¹⁵

Во всех указанных случаях, вероятно, имело место относительно позднее влияние эурямейского диалекта на хэваский. Но не исключено и обратное влияние. В речи финнов ижорско-эурямейских смешанных деревень *Vääskülä* и *Kangaspää* зарегистрировано чередование ступеней сочетания согласных *tk*. По данным Л. Я. Галаховой, в некоторых финских деревнях недалеко от ареала хэваского диалекта встречаются непоследовательная геминация согласных в нестяженных трехсложных словах (*assija* 'вещь, дело', *sarrajat* 'сарай') и *n* в конце 1 л. мн. ч. глаголов (*istuman* 'сидим', *tuliman* 'мы пришли').¹⁶ В отличие от эурямейских говоров, распространенных на северном побережье Финского залива, в эурямейских говорах Ингерманландии *i* сохранился в 3 л. ед. ч. прошедшего времени (*antoⁱ* 'дал', *sanoⁱ* 'сказал').¹⁷

4. Заключение. На различных территориях распространения ижорского языка наблюдается неодинаковое по характеру и интенсивности влияние близкородственных языков. В районе нижнего течения р. Луги важную роль сыграло влияние водского языка, а возможно, и водский субстрат. Однако большая часть языковых особенностей этого района сложилась, по-видимому, в результате общего развития местных ижорских, водских и финских говоров. Влияние родственных языков на сойкинский диалект было сравнительно невелико. Все же диалект имеет некоторые общие с говорами нижней Луги черты, возникновению которых, возможно, содействовали водский и финский языки. На территории восточнее ареала сойкинского диалекта восточный диалект водского языка соприкасался с хэваским диалектом ижорского языка. В этих контактах господствующая роль принадлежала хэваскому диалекту. С другой стороны, хэваский диалект имел контакты с распространенным по соседству эурямейским диалектом финского языка. Влияния между этими диалектами носили взаимный характер.

¹² M. Rapola, Suomen kielen äännehistorian luennot, Helsinki 1966, стр. 413—427.

¹³ V. Porkka, Ueber den ingrischen Dialekt, Helsingfors 1885, стр. 67; L. Kettunen, Suomen murteet. III A, карта 78.

¹⁴ V. Ruoppila, АА, стр. 59—60, 184—185.

¹⁵ L. Kettunen, Suomen murteet. III A, карта 73.

¹⁶ Л. Я. Галахова, Автореферат, стр. 17 и 19.

¹⁷ V. Ruoppila, АА, стр. 177—178.

По мнению некоторых финских лингвистов, такие явления в ижорском языке, как отсутствие палатализации согласных, наличие долгих гласных \bar{e} , \bar{o} , $\bar{ö}$ и сохранение в непервых слогах сочетаний гласных на $-a$, $-\bar{a}$, образовавшихся путем стяжения, объясняются влиянием водского языка.¹⁸ Поскольку, как показано выше, существенное влияние водского языка ограничилось нижнелужско-сойкинским ареалом, а упомянутые явления встречаются не только в нижнелужском и сойкинском, но и в хэваском и, частично, в оредежском диалектах¹⁹, мы не можем согласиться с такими мнениями.

Распространение некоторых явлений, свидетельствующих о взаимном влиянии близкородственных языков, показано на схеме.

¹⁸ L. Kettunen, Suomen murteet. III B. Selityksiä murrekartastoon, Helsinki 1940, стр. 272; V. Ruoppila, АА, стр. 120 и 164; H. Leskinen, Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria. I. Konsonantit, Helsinki 1963, стр. 300.

¹⁹ V. Porkka, Ueber den ingrischen Dialekt, стр. 27 и сл.; А. Лаанест, Ижорские диалекты, стр. 77—80, 89—91.

Сокращения

Вост.-вод. — восточный диалект водского языка; **зап.-вод.** — западный диалект водского языка; **нл.** — нижнелужский диалект ижорского или финского языка; **сойк.** — сойкинский диалект ижорского языка; **хэв.** — хэваский диалект ижорского языка; **зур.** — зурямейский диалект финского языка.

КСВЯ — картотека словаря водского языка в Институте языка и литературы АН ЭССР; **Ariste VKG** — P. Ariste, Vajja keele grammatika, Tartu 1948; **Kettunen VKA** — L. Kettunen, Vatjan kielen äännehistoria, Helsinki 1930; **Leppik IKMFSK** — M. Leppik, Ingerisoom Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine, Tallinn 1975; **Mägiste RMP** — J. Mägiste, Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned, Tartu 1925; **Ruoppila АА** — V. Ruoppila, Äyrämöismurteiden äännehistoria, Helsinki 1955.

ARVO LAANEST (Tallinn)

KONTAKTE DES IZORISCHEN MIT NAHVERWANDTEN NACHBARSPRACHEN

In den letzten Jahrzehnten hat die Erforschung des Wotischen, Izorischen und der ingermanländischen Dialekte des Finnischen bedeutende Fortschritte gemacht. In diesem Aufsatz werden die Resultate über die Erforschung des wechselseitigen Einflusses dieser Sprachen und Dialektgruppen zusammengefaßt.

Im Gebiet am Unterlauf der Luga hat der Einfluß des Wotischen, vielleicht auch das wotische Substrat eine bedeutende Rolle gespielt. Es ist jedoch wahrscheinlich, daß mehrere für dieses Gebiet charakteristische Züge durch die gemeinsame Entwicklung von örtlichen izorischen, wotischen und finnischen Mundarten entstanden sind. Der Dialekt Soikkola des Izorischen ist von Nachbarsprachen verhältnismäßig wenig beeinflusst worden. Doch gibt es in diesem Dialekt einige mit den Mundarten der unteren Luga gemeinsame Erscheinungen, deren Entwicklung das Wotische und Finnische möglicherweise begünstigt haben (Übergangslaut v an Stelle des schwachstufigen Vertreters von k oder t nach einem langen Labialvokal; der Schwund von auslautendem k , h und teilweise n). Hinsichtlich dieser Erscheinungen bildet das Areal der unteren Luga und von Soikkola einen Gegensatz zum Areal Ostwotisch-Hevaha. Bei Kontakten vom Ostwotischen und Hevaha-Dialekt des Izorischen hat der letzte eine vorherrschende Stellung gehabt. Auch der Hevaha- und Äyrämöis-Dialekt haben einander stark beeinflusst.

Die speziellen Untersuchungen haben gezeigt, daß der wotische Einfluß im Bereich der Phonetik und Morphologie sich auf Territorien an der unteren Luga und in Soikkola beschränkt. Darum kann der Verfasser dieses Aufsatzes nicht mit einigen finnischen Sprachforschern einverstanden sein, die solche Erscheinungen im Izorischen, wie das Fehlen von Palatalisation der Konsonanten, das Vorhandensein von langen Vokalen \bar{e} , \bar{o} , $\bar{ö}$ und das Erhalten der durch Kontraktion entstandenen Vokalverbindungen auf a , \bar{a} in nichtersten Silben, durch den wotischen Einfluß erklärt haben. Die erwähnten Erscheinungen kommen nicht nur in Dialekten der unteren Luga und von Soikkola, sondern auch im Hevaha-Dialekt, teilweise sogar im Oredež-Dialekt vor.